

Нація и народъ

Легкость въ обращеніи со словами и выраженіями, пренебреженіе мелочной точностью, не является, вообще говоря, признакомъ неблагородства; скорѣе обратное свойственно рабской душѣ. Но въ нѣкоторыхъ случаяхъ это вызывается необходимостью, какъ, на примѣръ, въ настоящемъ..

Платонъ, Фезетъ.

Я не знаю, когда бы это «рабское» обращеніе съ ходячей терминологіей было болѣе необходимо, нежели въ данномъ случаѣ. Есть идеи и понятія, «свободное» обращеніе съ которыми служить источникомъ не только теоретическихъ заблужденій, но и величайшихъ житейскихъ опасностей и бѣдствій. Къ числу такихъ понятій принадлежитъ понятіе «націй». Особенно въ наше время. Современная организація уже не только Европы, но всего обитаемаго міра покоится на признаніи принципа самоопредѣленія «народовъ», и формой, въ которую эта организація стремится вылиться, является «лига», или «общество», «Націй». Швейцарская лига «Націй» есть, конечно, лишь частичное осуществленіе тенденціи, означенной «народы» всего міра, тенденціи, выразителемъ которой бытъ Вильсонъ. Схематически планъ послѣ-военной реконструкціи Европы и міра, какъ онъ рисовался Вильсону, представляется въ слѣдующемъ видѣ: «Имперіи» распадаются, «народы» самоопредѣляются, становятся «націями», и «націи» соединяются въ демократическое «общество». Слишкомъ извѣстно, однако, что полное или частичное распаденіе «имперій» — Россійской, Австро-Венгерской и Оттоманской — дало начало не «національнымъ» государствамъ, сложившимся по принципу самоопредѣленія «народовъ», но новымъ «имперіямъ», каковы — въ большей или меньшей степени — нынѣшнія Польша, Румынія, Чехословакія, Югославія, Греція, Італія. И если общественная мысль и общественная совѣсть вліятельнѣйшей и численно-преобладающей части цивилизованнаго человечества — англо-американцевъ и всѣхъ тѣхъ, для коихъ языкомъ международнаго об-

щенія смалитъ англійскій языкъ, — съ огичь противорѣчьемъ примирилась, то, я думаю, это было отнюдь не только по тѣмъ или инымъ дѣловому свойству соображеніямъ для огромнаго большинства этой части человечества истина просто на просто заслонена — словомъ «нація», въ англійскомъ языкѣ имѣющемъ глубокодвусмысленный характеръ. «Nation» значитъ и то, что подь словомъ «нація» принято подразумѣвать и нами, континентальными европейцами, т. е. *культурно-политическое единство, и всякое государство*. Въ одномъ американскомъ журналѣ этого года я читаю такую подпись подь картинкой: «Французская легация въ Остинѣ въ то время, когда Техасъ былъ націей». И далѣе поясненіе: «въ теченіе девяти лѣтъ Техасъ былъ республикой...» Новозеландцы, австралийцы и канадцы англійскаго происхожденія гордятся своей принадлежностью къ англійской культурѣ; но для всякаго англо-сакса не подлежитъ сомнѣнію, что Н. Зеландія, Австралія и Канада — «Націи», а С. Амер. С. Штаты — нѣтъ, ибо С. Штаты — Союзъ «суверенныхъ» государствъ. Нѣмецкій же изслѣдователь (А. в. *Kremer*), для котораго рѣшающій признакъ — степень культурной самобытности, судитъ вѣкъ разъ наоборотъ. Въ послѣднее время, впрочемъ, с.-американцы начинаютъ усваивать европейскій смыслъ слова «нація» и называютъ себя «націей», нѣтъ въ виду свое культурное единство и культурную обособленность, — о чемъ я еще буду говорить. Нельзя сказать, чтобы и въ Европѣ (я разумею европейскій континентъ, противопоставляя его англо-саксонскому міру) терминъ «нація» былъ нисколько свободенъ отъ двусмысленности и вѣселооднозначенъ. Прежде всего надо подчеркнуть, что германцы склонны дѣлать упореніе на культурной индивидуальности, а народы романскаго міра — прежде всего французы — на политическомъ единствѣ, разграниченіе терминовъ «nation» и «nationalité» принадлежитъ именно французамъ. (См. укасазанаея и нѣшама *).

Двусмысленность — скорѣе даже многосмысленность — терминъ имѣетъ свои корни въ исторіи самаго предмета. Когда сперва колонисты Новой Англій, а затѣмъ французы открыли эру «самоопредѣленія народовъ», подь «пародами» подразумѣвались преимущественно «подданные», а подь «самоопредѣленіемъ» — освобожденіе отъ еднѣчныхъ «тирановъ». Но освобождая «народы» въ Италіи и въ Германіи отъ ихъ многочисленныхъ «гирановъ»,

*) Ср. тонкія замѣчанія *S. Hellmann*, Die Krisis des Nationalstatgedankens, Archiv für Politik und Geschichte, 1927, 9 Heft. Нѣмцы различаютъ «Kulturnation» и «Staatsnation» (см. въ особенности *F. Meinecke*, Vom Weltbürgertum zum Nationalstaat).

Революція пробудила здѣсь замершее было въ XVII — XVIII в. в. чувство національнаго единства. Революціонная эпопея вызвала «романтическое» движеніе. «Романтики» внесли въ понятіе «народа» новое содержаніе. «Народы» стали представляться индивидуальностями, обладающими каждая «душой», сознаниемъ, волей. Уже то одно, что къ «народамъ» примѣнялись принципы Декларации Правъ *Человѣка и Гражданина*, способствовало усвоенію той самой по себѣ далеко не самоочевидной, скорѣе противорѣчившей всему предшествовавшему историческому опыту и историческому пониманію. «истины», что по своей структурѣ «Народъ» ничѣмъ не отличается отъ единичной личности. Романтическая концепція Націй обладала такими воспламеняющими душу свойствами, оказалась столь дѣйственной и зачастую столь плодотворной, сыграла такую огромную роль въ исторіи XIX вѣка, что неудивительно, что она стала догмой. Явившись однимъ изъ существеннѣйшихъ элементовъ эгалитарно - демократическаго міросозерцанія минушаго столѣтія, эта догма, сочетаясь съ другими догмами, образующими символъ вѣры европейской демократіи, послужила источникомъ любопытнѣйшихъ заблужденій, какъ нельзя болѣе характерныхъ для пониманія сущности той великой исторической силы, какою была и продолжаетъ быть такъ называемая «національная идея». Одно изъ такихъ заблужденій всего нагляднѣе обнаруживается на слѣдующемъ примѣрѣ. Въ конституціи Югославіи есть пунктъ о государственномъ языкѣ. Такимъ считается «сербско-хорватско-словенскій языкъ», т. е. нѣчто очевидно несуществующее: у словенцевъ свой языкъ, занимающій отдѣльное мѣсто въ семьѣ славянскихъ литературныхъ языковъ. Какими ходами мыслей законодатели Югославіи могли прийти къ этому абсурду? Объ этомъ позволительно догадываться: 1) идеологи эмансипаціи славянскихъ подданныхъ Австро-Венгріи издавна подчеркивали культурную — прежде всего языковую — общность славянъ и ихъ отдѣльность отъ народовъ чуждыхъ «расъ», нѣмцевъ и венгровъ; 2) освобожденіе и объединеніе юго-славянъ произошло подъ знакомъ «національнаго самопредѣленія»: поворожденное государство не могло быть инымъ, какъ «національнымъ» — въ противоположность той «лоскутной имперіи», въ борьбѣ съ которой оно сложилось. «Демократическій» способъ образованія государства — путемъ освобожденія отъ «тиранній», освобожденія «Народа» (въ смыслѣ «демоса») отъ власти, является какъ-бы залогомъ того, что то, что произошло, было рожденіемъ «націи»; а съ другой стороны, это освобожденіе было освобожденіемъ «славянства» отъ «германства» и «мадьярства», т. е. опять-таки «національнымъ» освобожденіемъ. Но «Нація» не можетъ быть

безъ «національнаго» языка. Значить — приходится соединить три (въ лучшемъ случаѣ два, если считать сербскій и хорватскій языки за одинъ языкъ, что возможно) языка двумя (или однимъ) тире и основнымъ закономъ «декретировать» ихъ единство. Здѣсь мы собственными глазами присутствуемъ при томъ, какъ «національная идея» обращается въ романтическій «демократическо-этнографическій» мифъ, элементами котораго служатъ слѣдующія уравненія: «народъ»=«раса»; «раса»=«нація»; «нація»=культурное (языковое и проч.) единство, *однородная* величина. «*Нація* умереть не можетъ... Придетъ время, и наше отечество будетъ свободнымъ и *наша раса* (*notre race*) — побѣдоносной, какой она была вѣкогда», пишетъ одинъ бретонскій сепаратистъ нашихъ дней*). Въ манифестѣ бретонскихъ сепаратистовъ говорится о томъ, что «Бретань — отдѣльная національность» и что необходимо «использовать моментъ, когда имперіи стали распадаться, для того, чтобы *вернуть свободу* вѣмъ національностямъ». Цѣль «горонниковъ» этого движенія — «политическая автономія» Бретани. Мы снова нащупываемъ тотъ же самый мифъ. Бретонскій манифестъ позволяетъ вскрыть еще одинъ его элементъ: идею «золотого вѣка позади насъ», вѣка изначальной свободы и равноправія «народовъ», отождествляемыхъ съ «расами» и съ «націями».

Я говорилъ только что о перерожденіи «національной идеи» въ вѣкій «мифъ». Всякая «идея» всегда даетъ начало мифу и обычно именно въ этой своей мифической оболочкѣ и является дѣйственной исторической силой. Сказаннаго достаточно, чтобы понять, что вскрыть «мифологическіе» элементы идеи, какъ исторической силы, вовсе не значитъ «разоблачить» ее, доказать ея «ложность». Говорить о «ложности» идей — бессмысленно. Всякая идея, заслуживающая этого имени, т. е. историческая духовная сила, а не простое измышленіе празднаго ума, соотвѣтствуетъ какому-то внутреннему переживанію и въ этомъ смыслѣ является *реальностью* и, значитъ, — однимъ изъ временныхъ и вѣчно мѣняющихся ликомъ единой Истины. Задача историка — обнаружить за обволакивающимъ идею мифомъ это переживаніе; задача общества — найти для его выраженія формулу, которая была бы свободна отъ мифологическихъ примѣсей; задача политика — извлечь практическіе выводы изъ результатовъ, добытыхъ наукой: анализъ не «убиваетъ», но потенцируетъ идею — или наука была бы опаснымъ и вреднымъ занятіемъ.

Что «Нація» есть прежде всего вѣкоторое *переживаніе* — это понять и выразить съ исчерпывающей полнотой и неподражае-

*) Цит. у *Jean Perdriel-Vaissière*, *Le Nationalisme Breton*, Mercure de France, 1-er Mars, 1928.

мой ясностью углубленного до конца анализа Эрнест Ренань. И ему же принадлежит лучшая, наиболее богатая смыслом формулировка этого переживания. Если же, послѣ коротенькаго доклада великаго историка подь заглавіемъ «Что такое нація», объ этомъ предметѣ продолжаютъ писаться книги и статьи, и притомъ въ подавляющемъ количествѣ*), то это потому, что Ренань все-таки не сказалъ всего: «Нація» есть идея многократно и издавна *объективировавшаяся* въ исторіи — иначе она не была бы «идеей», ставшая «вѣшной вещью», фактомъ «историческаго міра», публюицимъ свою *структуру*. Ренань выполнилъ по отношенію къ «объективной» націи только в. сказ. отрицательную часть задания: онъ хотѣлъ показать, что ни одна изъ обидепринятыхъ «объективныхъ» признаковъ «націй» не является ни необходимымъ, ни достаточнымъ. Только это и нужно было ему, чтобы отвѣтить на поставленный самому себѣ вопросъ какъ, какъ онъ понялъ его уже заранее, и для него поэтому было достаточнымъ опровергнуть хотяея воззрѣніе о психо-физической однородности націи. Онъ показалъ, чѣмъ «нація» *не* является. Что же такое нація, какъ «вѣшная вещь», *есть*. — этого онъ не сказалъ. Между тѣмъ его опредѣленіе націи, какъ переживания (нація — «ежедневный публицитъ», нація — коллективная память о прежнихъ страданіяхъ и жертвахъ и готовность къ новымъ и т. д.), уже заключаетъ въ себѣ методическое указаніе, какъ слѣдуетъ изучать структуру націи, какъ объективнаго факта, поскольку все эти формулы означаютъ признаніе той истины, что нація, какъ всякій историческій «объектъ», есть нѣкоторый *процессъ* и нѣкоторая *тенденція* и притомъ процессъ, который носителямъ является *коллективъ*. Между тѣмъ мы видѣли, что возникновеніе идеи націи *въ сознаніи* происходило при такихъ обстоятельствахъ и въ такой моментъ умственнаго развитія европейскаго человѣчества, когда и для какихъ естественно было отождествлять «націю» съ единичной личностью и приписывать ей, или, что то же, «раствъ», «нараву», «индивиду», отъ которыхъ ея не отличали, однородность, а ея «генію», или «характеру», или «душѣ» — неизмѣняемость. Мнѣологическое представленіе о націи во необходимости было — и въ значительной степени остается и по сей день --- *антропоморфическимъ*. Въ настоящее время, кажется, можно считать окончатель-

*) Исчерпывающая (кажется) сводка литературы — почти исключительно германской — въ прекрасной книгѣ *Ignaz Seippel, Nation und Staat, 1916* Наиболее глубокий и методически проведенный анализъ идеи — по моему — у *Wieser, Das Gesetz der Macht, 1926* См. объ этой книгѣ мою статью въ Совр. Зап. XXXIV.

по преодолѣннымъ прямое и упрощенное отождествленіе національнаго «духа» съ «народнымъ» въ смыслѣ простонароднаго, и во всякомъ случаѣ въ современной наукѣ господствуетъ взглядъ, что наличие высшей культуры и слѣдовательно духовной аристократіи является именно тѣмъ необходимымъ и достаточнымъ признакомъ, которымъ *понятіе* Націи очерчивается. «Націи» есть *національный идеалъ*. Это вполне соответствуетъ и взгляду Ренана. И въ то же время до сихъ поръ еще сплошь да рядомъ отдѣльнымъ представителямъ духовной аристократіи, духовнымъ *вождямъ* того или другого народа даются опѣнки съ точки зрѣнія ихъ соответствія или несоответствія «національному гению», или «духу», или «складу». Такъ Руссо и все, что идетъ отъ него, т. е. въ сущности вся — или почти вся — современная французская культура признаются извѣстной категоріей французовъ «ненаціональными», «антинаціональными»: «руссоизмъ» или, что то же, «романтизмъ» объявляются «германскимъ» ввознымъ продуктомъ, — ну жды ифть, что Руссо былъ женеизцемъ, воспитанъ въ духѣ кальвинизма и былъ *учителемъ*, а не ученикомъ романтиковъ-нѣмцевъ. Другіе идутъ еще дальше (П. Морраст) и видятъ корни «руссоизма» не въ кальвинизмѣ, а — въ католической мистикѣ, которая тоже объявляется занесеной, «ненаціональной», «анти-французской». Національный «духъ» или «гений» считаются, такимъ образомъ, чѣмъ-то существующимъ вѣкъ и повсюду его проявленій: не они въ нихъ познаются, а они его приносятъ мѣряются. Историческое пониманіе нашихъ дней находится, какъ видно, въ зависимости все еще отъ старинной школьной психологіи, для которой «душа» была ифкоторой «большой реальностью», нежели состоянія сознанія и «первѣе» ихъ. Наиболее рѣзко это пониманіе выразилось именно у романтиковъ. Съ этой точки зрѣнія современные французскіе анти-романтики — прямые наследники того умственаго движенія, съ которымъ они борются. Другой разновидностью того же пониманія является та, которая, учитывая разнообразіе проявленій національнаго «духа», вмѣсто того, чтобы понять это какъ результатъ *творческаго* и *свободнаго* процесса, старается свести одни изъ этихъ проявленій на другія такъ, чтобы показать исчерпываемое заранее придуманной характеристикой таиннаго національнаго «гения» его стипство въ многообразіи его проявленій, и которая, наиримѣръ, при помощи дешевой quasi-диалектики, въ сущности — игры словами, «сводитъ» Канта къ Крону и Гуго Штиннеса къ Рихарду Вагнеру. Опять-таки и это не — просто «заблужденіе», а лишь чрезвычайное упрощеніе дѣйствительности. Кто оказывается отъ изслѣдованія индивидуальнаго сознанія гдѣ его проявленій, не спрашиваетъ же, въ силу

этого одного, факта существованія «души» у человека. И моя критика только что охарактеризованнаго историческаго пониманія очевидно не клонится къ отрицанію такихъ реальностей какъ «національная душа». Моя задача въ настоящій моментъ — показать, что вопросъ объ отношеніи «національной культуры» къ народу, который является ея «носителемъ», гораздо сложнее. чѣмъ это обычно представляется, и что ставить его надо со всяческой методологической осторожностью. Укажу прежде всего на методологическія ошибки, которыя при изслѣдованіи вопросовъ этого рода всего чаще встрѣчаются и въ которыя по причинамъ, о которыхъ я сейчасъ скажу, всего легче впасть. «Нація» есть безспорно извѣстная форма жизни, — подобно единичному существу. Воплощъ естественно для насъ судить обо всѣхъ жизненныхъ формахъ по аналогіи съ той, которая намъ непосредственно извѣстна, т. е. съ нами самими, — и подобно тому какъ любители домашнихъ животныхъ приписываютъ своимъ собакамъ и кошкамъ такія свойства, какъ любовь къ ближнему, уваженіе къ частной собственности и т. п., такъ и мы охотно строимъ «народно-психологическія» характеристики, приписывая народамъ въ цѣломъ способности, могущія, въ силу ихъ природы, быть присущими только единичнымъ людямъ: мы говоримъ о способности итальянцевъ вообще къ музыкѣ и о неспособности къ ней англичанъ вообще. Одни считаютъ это «органическими» или «расовыми» свойствами, другіе — «вторичными»: нелюбовь къ музыкѣ англичанъ, напр., «объясняется» — пуританскимъ вліяніемъ, причемъ объясняющимъ очевидно не приходится въ голову вопросъ: какъ быть въ такомъ случаѣ съ испанцами, которые, при всей своей вѣрности католицизму, подарили міру не больше композиторовъ, нежели англичане? Конечно, то направленіе, которое считается съ тѣмъ фактомъ, что національный «характеръ» и преуспѣяніе или отсталость въ тѣхъ или иныхъ видахъ человѣческой дѣятельности суть различная вещи, стоитъ значительно выше. Типичной ошибкой свойственной этому послѣднему направленію является слѣдующая. Национальный «характеръ» или «гений» познается въ его культурѣ, взятой въ цѣломъ, въ «духѣ» этой культуры. Но такъ какъ «культура» каждаго даннаго народа чрезвычайно разнообразна въ своихъ проявленіяхъ, то отсюда и возникаютъ тѣ затрудненія, о которыхъ мы уже говорили выше. Всего чаще, — мы и это видѣли — производится выборъ: лишь опредѣленная группа культурно-историческихъ фактовъ признается дѣйствительно «національной» или «народной». Оставляя въ сторонѣ тѣ случаи, когда такого рода выборъ опредѣляется партійными или иными, посторонними нау-

кт, ображеніями, какъ надѣжкитъ остановитъся теперь на дру-
 гихъ, болѣе серьезныхъ и заслуживающихъ вниманія попыткахъ
 справиться съ трудностью. Эти попытки сводятся къ исканію
корней и основъ національной культуры, къ опредѣленію *генезиса*
національной традиціи. Въ основѣ громаднаго большинства та-
 кихъ попытокъ лежитъ правильное соображеніе о цивилизующей,
 формирующей національную душу роли *религии*. Несомнѣнно, что
 католически - настроенные историки Франціи гораздо ближе къ
 действительности, чѣмъ Шарль Моррасъ, съ его любознѣтной по-
 пыткой подвести подъ реставраціонную идеологию *анти*-католи-
 ческую и *анти*-клерикальную базу. Конечно, его «контизмъ» пред-
 ставляетъ собою весьма глубокое истолкованіе національнаго иде-
 ала Франціи: контовскій культъ «Великаго Существа», какъ жи-
 вущей и дѣйствующей въ душѣ каждого подлинно культурнаго че-
 ловѣка исторической преемственности культурнаго дѣланія —
именно это, а вовсе не простая арифметическая сумма всѣхъ ко-
 гда либо жившихъ па свѣтѣ людей, образуетъ, по Конту, какъ это
 прекрасно выяснилъ Моррасъ, «Человѣчество», *le Grand Etre*,
 — зготъ культъ есть полнинно французское, *національное* явле-
 ніе; однако, что такое эта великая идея Конта, какъ не секуляри-
 зированное ученіе о *католической*, т. е. вселенской Церкви жи-
 выхъ и мертвыхъ, Церкви, повлчасмой, какъ непрерывное *обще-
 ніе людей въ Боги* — и какъ могъ бы пресловутый «острый галль-
 скій смыслъ» возвыситься до этой концепціи исторіи какъ вѣчной
 жизни и какъ осуществленія закона *солидарности* и т. еказ. круп-
 ной и отвѣтственности народовъ и культуръ, не бывъ поддержанъ
 и стимулированъ основной интуиціей, непосредственнымъ мисти-
 ческимъ переживаніемъ Вседипства, прывитымъ и возвращеннымъ
 къ національной психеѣ французскаго народа католической цер-
 ковью? Именно то углубленное пониманіе ученія Конта, какое на-
 ходитъ у Шарля Морраса, приводитъ насъ къ усмотрѣнію непре-
 рывности французской національной традиціи въ смѣнѣ великихъ
 «вѣковъ» Французской исторіи и позволяетъ преодолѣть поверх-
 ностное представленіе о «двухъ Франціяхъ», о *двухъ* ея культу-
 рахъ, «эмпирическо-церковной», и «свѣтлой», «культураѣ Боссюа и
 Фенелона» и «культураѣ Раблэ и Вольтера» и т. п., у каждой изъ
 которыхъ есть свои поклонники и соборники, обьявляющіе ее
 единственной «подлинно - національной» культурой, восходящей
 къ «единственно - чолвиннымъ», «нескоию - національнымъ» ко-
 рнямъ: — причеъ для однихъ отчим «корнями» служатъ авторы
 фаньно, для другихъ стрелети соборевъ XIII в. и св. Бернарду
 Клервальскій. Въ этой смѣнѣ цѣли смѣнаго, тинушагся со вре-
 мени Цезаря г св. Мартина Турекаго, творческаго процесса, ни

свого звања. — ни Гусса, ни Фроста Коппа, но также ни «великой стаи» (*turba magna*) представителей католического мистицизма. историю которой воскресил недавно Анри Бремоль*), — выкинуть нельзя, — каковы бы ни были наши убеждения, сямпати и антипати.

Выказавши это, мы собственно уже формулировали и выяснили ту методологическую ошибку, на которую мы намекали выше. Шить национальной культуры без национальной религии, — во национальная культура и национальная религия все-таки не одно и то же. Приватность — конечно, не только формальная, но и внутренняя, душевная. — в национальной церкви, или отчужденности от нея, не могут служить критеріями «национальности». Гете очевидно же не «лютеранин» и Тютчев — не «православный». Последний примѣръ особенно показателен. Социально. Тютчев был исповѣтником и поборником «официозной», если можно такъ выразиться, славянофильско-православной темы писавъ въ «голь духъ грангаты» — на французскомъ, впрочемъ, языкѣ — и стихи, которые, наряду съ его лирикой, этой высочайшей по совершенству поэзіей Хаоса, Ночи и Смерти, производятъ впечатлѣніе литературнаго подлога. Если национальная культура и национальная религия — одно и то же, то изъ истории русской культуры пришлось бы вычеркнуть не только Тютчева, но и Тургенева, и Пушкина, и Толстого, въ сущности — *самое русскую культуру*. Такъ, впрочемъ, и дѣлалось — и дѣлается...

Насколько можно понять «евразійцевъ», — у нихъ выходитъ какъ-то такъ, что между историческимъ православіемъ и «русскостью» (какъ они выражаются) существуетъ предустановленная гармонія и что православіе обазывается не столько «причиной» сколько «слѣдствіемъ» этой самой «русскости». Не случай же они, въ своихъ философско-историческихъ синтезахъ, замалчиваютъ спутывающее ихъ карты византійское вліяніе. Правда, что для «евразійцевъ», какъ для Ш. Морраса, какъ раньше для нашихъ славянофиловъ и для цѣлѣнскихъ романтиковъ, национальная культура не просто — «данное», но «заданіе». Однако, это «заданіе» они непременно хотятъ такъ или иначе приписать въ «данному»: а такъ какъ «данное», исторически-сложившаяся культура въ ея цѣломъ, ими отвергается, то имъ и не остается ничего другого, какъ производить въ ней выборъ, провозглашая въ ней, съ точки зрѣнія ихъ культурнаго идеала, одно — мало то-

*) См. H. Bremond, Histoire litteraire du Sentiment religieux en France.

го, что истинным, абсолютно-цѣнным, взыскуемым, но «исключительным», «номинально-народным» или «национальным», а другое — не только нецѣнным, подлежащим отверженію, но «ненародным», «заочным», «павязанным». Такимъ образомъ, они релятивизируютъ абсолютныя цѣности, и стараются какъ можно падежнее «обосновать» свои культурныя идеалы, тѣмъ самымъ ихъ другъ другъ. Въ основѣ всѣхъ этихъ споровъ и споровъ лежитъ одно *a-priori*, возникающее въ сознании индивидуально естественно: «культура» есть «плодъ» развитія «народа»; «народъ» и «нація» суть какъ-бы двѣ различныя степени въ одной и той же «карьерѣ»: «народъ» есть «нація въ погони», подобно тому какъ титулярный евфитникъ — «потенціально» — действительный статскій; каждый «народъ» можетъ и долженъ при условіяхъ «нормальнаго» развитія стать «націей» и притомъ одной опредѣленной націей.

(Скажу сразу, что критическая проверка этой предпосылки на основаніи тѣхъ данныхъ, какими обычно оперируетъ историческая наука, крайне затруднительна, ибо такихъ данныхъ, строго говоря, *нѣтъ*, или почти *нѣтъ*. Моменты *зарожденія* въ соответствующихъ «народахъ» великихъ историческихъ «націй» скрыты отъ насъ «во мглѣ столѣтій». Единственная нація, рождающаяся и вырывающаяся на глазахъ историка, — северо-американская — и въ этомъ состоитъ огромный, еще недостаточно осознанный интересъ, какой представляетъ исторія Американскихъ С. Штатовъ, — еще с. *начинаетъ* съ того примѣра было бы крайней методологической неосмотрительностью; почему — это стапетъ ясно изъ талейфидато. Однако, наука располагаетъ еще одной категоріей историческихъ данныхъ, кореннымъ образомъ отличныхъ отъ «объективныхъ данныхъ», но тѣмъ не менѣе обладающихъ максимальной степенью достоверности, истинности, сущности и цѣнности которыхъ была гениально угадана уже великимъ *Джамбатиста Вико*. Это — *мнѣ*. Вспоминать о томъ, что рожденіе всякой «націи» происходитъ на почвѣ *революціи* и притомъ въ значеніи, что появленіе на свѣтъ всякой націи сопровождается *миромъ* обь этомъ фактъ. Мною же присуща такая степень достоверности, какую не обладаетъ, быть можетъ, никакая другая форма свидетельства обь исторической реальности, ибо *мнѣ* это — *сама историческая реальность*, сплюсненное выраженіе *того, что предъстоитъ переживанію* въ некоторомъ «вѣщномъ» или «вещномъ» опыте, выраженіе, творимое абсолютно *наивно*, безъ тѣхъ притязаній, безъ какой бы то ни было «задней мысли». Это — съ моей стороны — только аналитическое сужденіе, раскрытіе понятія *миро*, и потому ни въ какихъ доказательствахъ оно не нуждается. И вотъ, въ настоящей связи, для насъ весьма важно отмѣтить, что *всякій миръ*

одного знева, — ни Руссо, ни Огюста Контэ, но также ни «великой «стаи» («*turba magna*») представителей католического мистицизма, историю которой воскресил недавно Анри Бремонт*), — выкинуть нельзя, — каковы бы ни были наши убеждения, симпатии и антипатии.

Высказавши это, мы собственно уже формулировали и выявили ту методологическую ошибку, на которую мы намекали выше. Нет национальной культуры без национальной религии, — но национальная культура и национальная религия все-таки не — одно и то же. Принадлежность — конечно, не только формальная, но и внутренняя, душевная. — к национальной церкви, или отчужденность отъ нея, не могут служить критеріями «национальности». Гете очевидно же не «лютеранинъ» и Тютчевъ — не «православный». Последний примѣръ особенно показателенъ. Сомнительно. Тютчевъ былъ исповѣдникомъ и поборникомъ «официальной», если можно такъ выразиться, славянофильско-православной точки зрения въ область духа трагедіи — на французскомъ, впрочемъ, языкѣ — и стихи, которые, наряду съ его лирикой, той высочайшей по совершенству поэзіей Хаоса, Ночи и Смерти, производятъ впечатлѣніе литературнаго подлога. Если национальная культура и национальная религия — одно и то же, то изъ истории русской культуры пришлось бы вычеркнуть не только Тютчева, но и Тургенева, и Пушкина, и Толстого, въ сущности — *самое русскую культуру*. Такъ, впрочемъ, и дѣлалось — и дѣлается...

Насколько можно понять «евразійцевъ», — у нихъ выходитъ какъ-то такъ, что между историческимъ православіемъ и «русскостью» (какъ они выражаются) существуетъ предустановленная гармонія и что православіе оказывается не столько «причиной» сколько «слѣдствіемъ» этой самой «русскости». Не случайно же они, въ своихъ философско-историческихъ синтезахъ, замалчиваютъ снугивающее ихъ карты византийское вліяніе. Правда, что для «евразійцевъ», какъ для Ш. Моррасса, какъ раньше для нашихъ славянофиловъ и для нѣмецкихъ романтиковъ, национальная культура не просто — «данное», но «задание». Однако, это «задание» они непременно хотятъ такъ или иначе приклонить къ «данному»; а такъ какъ «данное», исторически-сложившаяся культура въ ея цѣломъ, ими отвергается, то имъ и не остается ничего другого, какъ производить въ ней выборъ, провозглашая въ ней, съ точки зрѣнія ихъ культурнаго идеала, одно — маю то-

*) См. H. Bremond, Histoire littéraire du Sentiment religieux en France.

го, что истиннымъ, абсолютно-цѣннымъ, выскуемымъ, но «исключительнымъ», «подлинно-народнымъ» или «національнымъ», а другое — не только нецѣннымъ, подлежащимъ отверженію, но «ненароднымъ», «засмнымъ», «навязаннымъ». Такимъ образомъ, они релятивизируютъ абсолютныя цѣнности, и, стараясь какъ можно надежнѣе «обосновать» свои культурные идеалы, тѣмъ самымъ ихъ деградировавъ. Въ основѣ всѣхъ этихъ идеальныхъ опытовъ лежитъ одно *a-priori*, возникающее въ сознаніи вполне естественно: «культура» есть «плоды» развитія «народа»; «народъ» и «нація» суть какъ-бы двѣ различныя ступени къ одной и той же «карьерѣ»; «народъ» есть «нація въ погони», подобно тому какъ титулярный совѣтникъ — «потенціально» — дѣйствительный статскій; каждый «народъ» можетъ и долженъ при условіяхъ «нормальнаго» развитія стать «націей» и притомъ одной опредѣленной націей.

Скажу сразу, что критическая провѣрка этой предпосылки на основаніи тѣхъ данныхъ, какими обычно оперируетъ историческая наука, крайне затруднительна. ибо такихъ данныхъ, строго говоря, *нѣтъ*, или почти нѣтъ. Моменты *зарожденія* въ соответствующихъ «вародахъ» великихъ историческихъ «націй» скрыты отъ насъ «во мглѣ столѣтій». Единственная нація, рождающаяся и вырѣивающаяся на глазахъ историка, — сѣверо-американская — и въ этомъ состоитъ огромный, еще недостаточно осознанный интересъ, какой представляетъ исторія Американскихъ С. Штатовъ, — одна. *с. починаль* съ этого примѣра было бы крайней методологической неосмотрительностью: почему — это станетъ ясно изъ дальнѣйшаго. Однако, наука располагаетъ еще одной категоріей историковъ, кореннымъ образомъ отягченныхъ отъ «объективныхъ данныхъ», но тѣмъ не менѣе обладающихъ максимальной степенью достовѣрности, историковъ, сущность и цѣнность которыхъ была гениально угадана уже великимъ *Джамбатиста Вико*. Это — *миоѣ*. Вспомнимъ о томъ, что рожденіе всякой «націи» происходитъ на почвѣ *религии* и примемъ во вниманіе, что появленіе на свѣтъ всякой религии сопровождается *миоѣ* объ этомъ фактѣ. Мною же присуща такая степень достовѣрности, какую не обладаетъ, быть можетъ, никакая другая форма свидетельства объ исторической реальности, ибо *миоѣ* это — *сама историческая реальность*, символическое выраженіе *непосредственнаго переживанія* нѣкотораго «внѣшняго» или «внутренняго» опыта, выраженіе, творимое абсолютно *наивно*, безъ тѣхъ преднамѣренности, безъ какой бы то ни было «задней мысли». Это — съ моей стороны — только аналитическое сужденіе, раскрытіе понятія *миоѣ*, и потому ни въ какихъ доказательствахъ оно не нуждается. И вотъ, въ настоящей связи, для насъ весьма важно отмѣтить, что *всякій миоѣ*

изображаетъ возникновеніе религіи, вѣдреніе ея въ народъ, овладѣніе религіей народною душою, какъ *катастрофу, насиліе* и какъ *трагедію*. Не подлежить никакому сомнѣнію, что авторы книги бытія писали свои откровенія не такъ, какъ примѣрно пишутъ яныя нынѣшніе беллетристы, выполняющіе «соціальный заказъ», или развивающіе тотъ или иной литературный «приемъ» — и если отголоски синайскихъ громовъ до сихъ поръ еще потрясаютъ наши сердца, то можно вообразить себѣ, какимъ оглушительнымъ грохотомъ звучали они въ тѣ времена, когда «библія» писалась. Ночная борьба Іакова съ Ангеломъ Божиимъ — вѣдь это *историческій фактъ*, по своему столь же достовѣрный, какъ Бородвнская битва и Вестфальскій миръ. Прежде чѣмъ устроить Израиля въ землѣ обѣтованной, — черезъ какія только обѣдствія, испытанія и муки не заставилъ Господь перейти свой народъ! И «завѣтъ», который Онъ заключилъ съ Израилемъ, отнюдь не былъ, со стороны послѣдняго, *добровольной* сдѣлкой: согласіе на роковой «контрактъ», связавшій Израиля на всю его жизнь, было у него *насильственно исторгнуто* Богомъ, было ему навязано далеко не одними лишь заманчивыми обѣщаніями, но и страшными угрозами, въ серьезности которыхъ Израиль имѣлъ немало случаевъ убѣдиться.

Если теперь постараемся обобщить смыслъ этого общаго вѣдмъ величій «историческій» народомъ мѣра и выразить его на нашемъ привычномъ «научнообразномъ» языкѣ, то мы должны будемъ сказать, что религія, или, что то же, «національная культура», или — однимъ словомъ — «нація», находится къ «народу» въ отношеніи существенно иномъ, нежели это обычно представляютъ себѣ, исходя изъ предпосылокъ, сформированныхъ въ нашемъ сознаніи подъ вліяніемъ съ одной стороны натуралистическихъ точекъ зрѣнія, съ другой — постулатовъ такъ называемаго «естественнаго права» и обусловленной ими эгалитарно-демократической логики въ ея чироченномъ выраженіи, съ присущей ей оптимистической цѣрой въ «самопроизвольное» и «самобытное», естественно «предустановленіе» развитіе всякаго «народа», развитіе, понимаемое, какъ «эволюція», «развертываніе» его «природныхъ» дарованій и склонностей.

На самомъ дѣлѣ отношеніе «націи» («культуры») къ «этнографіи» («народу») — иное, неизмѣримо болѣе сложное. «Народъ» не есть ни неизмѣняющійся и однородный носитель «націи», ея толковественный самому себѣ при всѣхъ ея перерожденіяхъ субстратъ и тѣмъ самымъ ея верховная «инстанція», ни, съ другой стороны, ничто по отношенію къ «націи» абсолютно безразличное и случайное, какъ это слѣдуетъ изъ воззрѣній Шпенг-

лера, абсолютизирующаго и гипостазирующаго «культуру», т. е., съ точки зрѣнія, принятой мною, то же самое, что и «націю» (самъ Шпенглеръ, хотя и отдѣляетъ «Націю» отъ «культуры», однако, именуетъ отдѣльными культурами, хотя и не въсѣхъ случаяхъ, но «націями»). Условимся подъ «народомъ» разумѣть не этнографическій субстратъ «націи» или «культуры» — мы не знаемъ ни этнически «чистыхъ», ни «безкультурныхъ» народовъ: гдѣ человекъ, тамъ и культура; и что сейчасъ «этнографія», нѣкогда было «исторіей», что сейчасъ «фольклоръ», было «литературой», орнаменты, который вышиваются на своихъ одеждахъ крестьянскія дѣвушки съ такой же степенью сознательности, съ какой птица вьетъ гнѣздо, когда-то создавался великими художниками, и «бытовое исповѣданіе» (говоря по «евразійски») было когда-то *религіей*, — но ту часть коллектива, въ обычномъ словоупотребленіи именуемаго «націей», для которой національная культура сдѣлалась исходомъ, привычкой, бессознательно усвоенной традиціей, культурой, *переставшей быть идеаломъ*, т. е. тѣмъ, что въ сущности исчерпываетъ ея содержаніе. Условимся подъ «націей» разумѣть ту часть того цѣлаго, обычно называемаго этимъ именемъ, для которой «культура» является тѣмъ, что она есть, т. е. *осознаннымъ идеаломъ*, не совокупностью механически повторяемыхъ предписаній, но стимуломъ личной дѣятельности, источникомъ творческой энергіи, — хотя бы иной разъ не направляемой ни къ чему иному, кромѣ какъ къ сознательному обереганію уже сложившейся культуры, изъ преданности тому идеалу, котораго данная культура является символическимъ воплощеніемъ.

Подъ категорію «Народа» съ этой точки зрѣнія подойдетъ не только «простолюдинъ», живущій давно пзжитыми въ высшихъ общественныхъ слояхъ формами и традиціями, вѣковыми отложеніями культуры (что эти формы не для *каждаго* простолюдина являются мертвыми, — это само собою разумѣется), но и любой учитель словесности, консулственно «пользующійся» стечами Пупкина, какъ матеріаломъ для грамматическаго разбора въ школѣ и всякій «интеллигентъ», «пользующійся» въ своемъ умственномъ обиходѣ «новѣйшими» достиженіями культуры, зачастую даже не догадываясь о томъ, какую пѣною страшнаго умственнаго напряженія, невыносимыхъ сомнѣній и творческихъ мукъ эти достиженія пріобрѣтаются.

Сказанное сейчасъ служитъ разрѣшеніемъ кажущагося противорѣчія между нашимъ опредѣленіемъ «Націи» и «Народа» и тѣмъ фактомъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ «Нація» оказывается тѣмъ извѣстномъ отношеніемъ *консервативнѣе* «народа»: напримѣр.

отношении къ *языку*). Именно потому, что «Народъ» пользуется національнымъ языкомъ механически, не отдавая себѣ отчета въ то, какія сокровища мысли и чувства отложились въ немъ, онъ — и это касается далеко не только арестантовъ, мастеровыхъ, школьничковъ, солдатъ, но и иныхъ поэтовъ-«новаторовъ» — изъ озеръ гва, изъ оригинальничанья, а то и просто по невѣжеству**), смѣло «обновляетъ» языкъ, коверкаетъ слова и формы, затемняетъ синтаксисъ, вообще, не догадываясь о томъ, что у языка есть своя «душа», что онъ — *сама душа націи*, всячески мудритъ и измывается надъ его плотью, словно бы это была бездушная и безжизненная «матерія». Усмотрѣвъ это, сможемъ свести наше противорѣчіе «Народа» и «Націи» въ слѣдующей формулѣ — по признаку отношенія всѣхъ къ національной культурѣ: для «Народа» — это есть *матерія*, для «Націи» — *духовное начало*, или, пользуясь терминологіей гениальнаго романтика Адама Фейхтлингера и приспосабливая ее къ нашимъ цѣлямъ, для «Народа» она — *«матерія»*, для «Націи» — *«идея»*, т. е. живая, творчески развивающаяся духовная сила. «Нація» есть *субъектъ* культуры, «Народъ» — это которая культура не переживаетъ, но только объектъ, является самъ ея *объектомъ*. Поэтому между «націей» и «народомъ», хотя бы они принадлежали къ одному и тому же социальному слою — и въ этомъ случаѣ въ особенности, — лежитъ всегда бездна взаимнаго непониманія. «Нація», оберегающая-ли она парадъ отъ троякихъ его культуръ экспериментовъ, толкаетъ-ли она его все дальше и дальше, все выше и выше по труднымъ путямъ въ райгачеву пещеру, который, въ силу опредѣленія, никогда въѣвъ не осуществляется дѣлкомъ въ данныхъ культурныхъ формахъ, — всегда находится въ состояніи борьбы съ «Народомъ» — и въ этомъ состоитъ *трагизмъ* исторіи.

Чѣмъ меньше секуляризовалась опредѣленная національная культура, чѣмъ болѣе она исчерпывается религіей и чѣмъ, слѣдовательно, сильнѣе дѣйствуетъ тенденція *сузить* религію, замкнуты ея въ національныя рамки, — тѣмъ напряженнѣе и безвы-

*) См. очень тонкую и продуманную книгу *André Thérive, Le Français langue morte? У насъ* — многочисленныя статьи кн. С. М. Волонскаго, содержащія цѣнныя, хотя нерѣдко весьма спорныя, наблюденія.

**) Неѣжество, обуславливаемое жизнью въ узкой, замкнутой сферѣ — въ парма, школа, «провинція», и является главной причиной этого далеко не самопроизвольнаго и «закономѣрнаго», но случайнаго и искусственнаго (на этомъ особенно настаиваетъ Thérive) «обновленія» языка, которое слѣдуетъ строго отличать отъ обновленія, вызываемаго естественной эволюціей культуры.

ходнѣ этой драмы, ибо всякой живой религіи свойственно стремленіе изъ своихъ рамокъ выйти. Въ этомъ случаѣ не только «Народъ» оказывается не въ состояніи «вмѣстить» «Націю» и извергастъ ее изъ себя, но и сама «Нація» задыхается въ рамкахъ Народности и, разбивая ихъ, денаціонализуется. То что Иерусалимъ не вмѣстилъ христіанства, и что Павелъ, этотъ изъ евреевъ еврей, «іудей и сынъ іудея» вынесъ его изъ синагогъ въ общины еллинистическаго міра и положилъ начало Новому Израилю, есть фактъ, имѣющій значеніе всемірно-историческаго символа, какъ и фактъ невмѣщенія Индіей буддизма. «вышедшаго» изъ индуизма такъ же, какъ евангеліе вышло изъ Библіи, — благодаря чему и буддизмъ сталъ «міровой» религіей. Антагонизмъ Націи и Народа это — антагонизмъ не двухъ обособленныхъ, другъ другу постороннихъ величинъ, но антагонизмъ *внутри одной и той же идеи*: антагонизмъ между ея уже однажды осуществившимися возможностями, ставшими, г. об., элементами «народной» жизни и тѣми, которыя еще стремятся къ своей реализаціи.

Отсюда ясно и то, что «чистая» Нація и «чистый» Народъ — не болѣе какъ предѣльные понятія. Въ дѣйствительности они такъ же «смѣшаны» другъ съ другомъ, какъ Градь Божій съ Земнымъ Градомъ. Основной конфликтъ между Націей и Народомъ всегда болѣе или менѣе осложняется конфликтомъ *внутри самой Націи* — и это служитъ источникомъ великаго разнообразія трагическихкихъ «положеній» и «мотивовъ», разсмотрѣніе и классификація которыхъ и составляетъ задачу *исторической морфологии*.

П. Бицилли.